

Александр

Дунаенко

Американец

Невероятные истории

Александр Дунаенко

Американец.

Невероятные истории

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Американец. Невероятные истории / А. Дунаенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746843-9

Смешная и грустная фантастика в рассказах Александра Дунаенко
«Американец», «Худышка», «Тол под корсетом», «Растение» и «Улица с
двусторонним движением». Подарок для любителей качественной литературы
и русского языка — в особенности.

ISBN 978-5-44-746843-9

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Американец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Американец Невероятные истории

Александр Дунаенко

Дизайнер обложки Дунаенко Александр

© Александр Дунаенко, 2019

© Дунаенко Александр, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-6843-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Американец

Феликс Чирков писал стихи. Трудно совместимые с его внешним обликом. Феликсу было уже под семьдесят, лицо не только в морщинах, но и ещё с выражением непрерывного страдания. А стихи у него получались простые, добрые, чистые. Не было в них ни надрыва, ни глубокой печали. Во Дворце пионеров, где работал Феликс, было полно женщин. По сравнению с Феликсом – все сплошь молодки. И Феликс каждой из них сочинял, посвящал стишок.

Когда я поступил на работу во Дворец пионеров, и прогрессивная общественность узнала, что я тоже пишу стихи, меня тут же предупредили о наличии поэта Феликса Чиркова, который, вероятно, будет в отношении ко мне в конкуренции.

Потом я увидел лицо этого Феликса и подумал, что конкурентом он быть не может никак. На него уже только смотреть – это достать чернил и плакать. Наверняка, если он чего и сочиняет, то это годится для похорон, или же других похожих особенных случаев.

Но – ошибался я. Был не прав. Стихи Чиркова для женщин вызывали в глазах его героинь улыбку и счастье. Там были восхищение, восторг, искренность и – грамотно, продуманно выстроенные строчки, которые вполне без опаски можно было прочесть женщине с высшим образованием.

А их у нас на работе был полный Дворец.

Феликс находился в счастливом состоянии одиночества. Уже много лет назад он разошёлся с женой и обрёл это самое счастье. Сразу это счастье в глаза не бросалось. Как я уже говорил, на лице Феликса всегда было выражение муки, страдания. Но он говорил, что счастлив. Особенно – после развода.

Причём, как он любил рассказывать и пересказывать своим знакомым, с бывшей женой у него сохранились прекрасные отношения. Просто, по-дружески к ней зайти, починить кран, наладить швейную машинку – это всегда, пожалуйста! Но – не более.

При разводе квартиру Феликс оставил жене. А сам наскрёб, собрал, заработал денег на небольшую однокомнатную квартиру, поставил в неё стол и кровать – и зажил припеваючи.

Писал четверостишия, полные восхищения и нежности к нашим дворцовым женщинам, получал от них в ответ благодарные взгляды. Стансы эти он потом забывал, почти сразу. Ни одна женщина к нему на шею за стишок не повесилась. Хотя, по обрывкам строчек, которые мне приходилось от них слышать, среди мадригалов его и канцонетт было много удачного, пронзительно-индивидуального.

Вот Керн повесилась Пушкину на шею, а ни одна наша дворцовая фрейлина к Феликсу – нет. Видимо, период советской власти притупил в женщинах чувствительность к прекрасному слогу. Они радовались рифмованным комплиентам Феликса, но их эротическая составляющая блуждала по поверхности их тел, не заходя глубоко внутрь. Обременить шею Феликса им и в голову не приходило!

Своим стихом Пушкин заставил Керн трепетать до потери чувства сохранения супружеской верности, а Феликсовы рифмы разбивались об гранитное целомудрие местных красавиц, обессиленно застревая кое в ком из них отдельными сверкающими буквами.

Но – и не страдал он из-за этого ничуть. Сочинил, прочитал и – забыл.

Однако, потребность любви, взаимности, развитая в поэтах особенно сильно, даже гипертрофировано, как мощная стальная пружина скручивалась всё это время в Феликсе, сжималась. Если она не находила реализации, разрешения в окружающем женском пространстве, то всё равно ей нужен был какой-то выход.

То, что Феликс уже многие годы жил холостяком, отнюдь не означало, что не переступала женская нога порог его скромного жилища. Обычно их было даже две, в сопровождении живота рук и головы они всегда находились, когда возникало желание поговорить с женщиной без всяких слов. Может быть – выпить бутылочку хорошего вина, перекусить вечером чего-нибудь лёгкого, и – поговорить. Но для снятия внутренних любовных напряжений этого было недостаточно. Разрядку получало тело, а в области сердца продолжало ныть и покусывать.

Любовный голод не проявляет себя открыто, напрямую. Только сумасшедший может вылезти на дерево и кричать: – Я хочу женщину!.. Человек нормальный ищет доступные ему, человеческие средства, чтобы цивилизованно пометить территорию, заявить о своих романтических намерениях.

И – пишет он песни, сочиняет стихи, делает атомную бомбу. Всё – только бы любимая услышала, почувствовала, нашлась.

В наше время к средству достижения таких целей прибавился ещё и компьютер.

Ставишь дома компьютер, включаешь, и – или откровенно кричишь – дорогая, ненаглядная, хочу познакомиться! Или – (никто же тебя не знает) – просто – Хочу!

Или же, если ты человек скромный и деликатный, то ищешь в Интернете какие-то точки соприкосновения с предметом мечты. Музыка, кино. Может, кто мышек собирает. И вы тоже любите собирать мышек. Почему бы не пообщаться?.. А там – дальше в лес – больше дров...

Ну, вот и наш Феликс.

Ходил по Дворцу пионеров со своими стихами, ходил... И решил купить компьютер.

А в советчики по важному вопросу его освоения выбрал меня.

Так я впервые оказался на квартире у Феликса. Девятиэтажка. Подъезд обыкновенный. Домофон вырван «с мясом». Воняет людьми и кошками.

Установил я Феликсу Скайп, антивирус, зарегистрировал в Одноклассниках. Ну, в общем – весь необходимый минимум для обустройства личной жизни в Интернете.

А параллельно Феликс мне рассказывал о своей квартире. Что – хорошая, в центре. И восьмой этаж – очень ему нравится. Только сосед сверху – сволочь неисправимая. Постоянно его заливает. Ездит где-то, работает вахтой, потом приезжает и напивается до беспамятства. И – оставляет в квартире открытыми все водяные краны. Просыпается – когда уже ему ломают дверь, бьют морду.

Несколько раз он уже честно оплачивал Феликсу ремонт. Деньги на своих вахтах зарабатывает большие. Половину пропивает, половину – на ремонт квартиры Феликса.

Но затопления всё-таки продолжают, сводят на нет всю вновь купленную красоту. И поэтому электропроводка у Феликса висит соплиями под потолком, не касаясь поверхности, чтобы избегать замыкания.

Выключатели тоже всякие подвесные, наружные.

А, в остальном – всё замечательно. Стол. Кровать.

Теперь, вот – компьютер.

Ну и началась для Феликса новая, полная всяких неожиданностей, современная жизнь. Отыскал он и своих одноклассниц, и познакомился с новыми женщинами, которые хотели бы с ним учиться сейчас.

А мужчине-пенсионеру, только в Интернете крикни – сразу в ответ поток предложений от женщин, которым «за». Они все, в основном, тоже уже далеко не девочки, им, по большей части, уже под шестьдесят и выше, но это – целое государство в государстве. Это множество квартир, дач, даже коттеджей, которые нуждаются в обогреве надёжным мужским теплом. В которых нужно где-то забить гвоздик, где-то – выбить половик, вынести мусор, перекопать на зиму огород.

Вообще не предполагается, что потенциальный одноклассник будет просто лежать на диване напротив телевизора и излучать в пространство обыкновенное физическое тепло.

Перед тем, как забить гвоздь, женщину, которой слегка «за», желательно хотя бы поцеловать...

Феликс с удивлением оглядывался в своём Интернете. И рассказывал мне о новых чудесных с ним происшествиях. Нашёл он одну женщину в Германии. Или – сама нашлась. А Феликс когда-то кончал институт с иностранными языками. И легко мог изъясняться на немецком языке. И язык этот любил. И во Дворце у нас любил в беседах путать слова русские с немецкими.

Можно к этому ещё добавить, что и лицом пионерский педагог был похож на тех немцев, которые 22 июня вероломно напали на нашу Родину. Сейчас он, конечно, постарел.

Но, если натянуть на него каску и дать в руки автомат, то можно почувствовать на спине холодок, и что Отечество снова в опасности.

Несмотря на свой возраст, поцеловать женщину Феликс, наверное, ещё мог. У него и живота с нашими родными висцеральными жирами совершенно не было. На месте мягкого, пухлого, отвисшего живота – впадина, как у голодного волка из мультфильма. Если дать его проекцию в профиль на белый экран, то может сложиться впечатление, что пища у него из желудка – либо из грудной клетки сразу падает на землю, либо сползает книзу по позвонку. Ну, одним словом – немец.

И взялся было Феликс обмениваться со своей новой знакомой немецкими словами и русскими стихотворениями.

Я в курсе, потому что новоявленный юзер обо всех своих шагах мне докладывал, а, в случае каких затруднений, спрашивал совета.

И вот затаскивает он меня как-то из коридора к себе, в царство полуразобранных мотоциклов и картингов и начинает шептать: – Слушай, Александр!.. Тут такое дело!..

И ведёт меня в самый дальний угол кабинета, где у него стол и чайник.

И начинает рассказывать про какую-то молодую незнакомку, которая таинственно вторглась в его компьютерное пространство.

В общем, прислала фотокарточку и – молчит. А фотокарточка такая, что аж сердце щиплет. Очень красиво полуодета. Но ничего напрямую не видно, одни намёки просматриваются. Только одно чётко и ясно – глаза умные, необыкновенной пронзительности. Голубые.

Ещё бы! Конечно, ему, немцу, голубые глаза – самое то!..

Фотокарточка – и больше ничего!

И она периодически опять появляется, приходит к нему в «Одноклассники».

И – ни слова!

Как будто хочет чего-то сказать, но – не решается. Стесняется что – ли?..

И Феликс тогда сел сам за компьютер и сам ей написал письмо. Приличное, вежливое. Что-то рад, мол, встрече с такой... Очарован... И стал о ней часто думать...

Ответ пришёл почти сразу.

Только Феликс ничего не понял. Это был будто бы и ответ, будто даже и письмо. Но... Там были просто какие-то скобки...

Потом, у себя дома, Феликс показал свою странную переписку:

–)))))))))).

Феликс на эти скобочки написал уже что-то пространное и пылкое. И – первое четверостишие своей новой «однокласснице».

И в ответ получает новый большой материал для раздумий:

– ::::!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!))))))))))))))))))

Старый повеса, хотя и находился в некотором замешательстве от подобной формы общения, но оказался ещё сильнее вдохновлён.

Как-то он быстро завёлся. Любовь с первой скобки.

И написал молодой подруге много слов красивых, изысканных. Среди них и, конечно, свои объяснения, свои оправдания такого странного её поведения. Что он, мол, понимает. Боязнь огласки... Быть скомпрометированной... Природная стыдливость... Возможно, муж... Дети... Недавняя потеря близких... В общем, сам ей писал, спрашивал, сам же пытался и отвечать на вопросы, которые стали нестерпимо жечь его мозг и низ отсутствующего живота.

Про немку-одноклассницу Феликс почти забыл. Отвечал ей уже просто из вежливости коротко, односложно. По-русски.

Состояние любви – это не всегда праздник. Вообще, это – болото, которое засасывает свою жертву всё глубже и глубже. Пока полностью им не завладеет. Не утонит в себе.

Феликс увяз. И своими дальнейшими телодвижениями только усугублял своё состояние.

Своей новой мадонне, придуманному своему ангелу он сочинял длинные письма-признания, письма-откровения. Любовные четверостишия пёрли из него сплошным потоком.

Ответы «с той стороны» не отличались особенным разнообразием. К точкам и скобочкам добавились смешные рожицы, появление коих вызвало у моего дремучего Феликса неописуемый восторг. И восторг этот ничуть не умерился, когда я ему объяснил, что его туманной мечте не нужно было напрягаться, рисовать эти рожицы от руки. Что появление каждой делается простым кликом мышки.

Из писем к Феликсу:

;;;;;!!!!!!!!!!!!!!

);!!!!!!!!!! «<»>; «>»>; «>»>

;;)))))))))

Ну – и так далее.

Увязший уже по самые губы в своём болоте дамский угодник не слушал ничего и не слышал. Он был счастлив.

Но счастье его омрачилось совсем неожиданно.

Когда Феликс в очередной раз принёс мне флэшку, чтобы распечатать, похвастаться художествами своей виртуальной пассии, через плечо к нам у компьютера заглянул Кондрат Емельянович, наш дворцовый вахтёр.

– А, ну-ка, ну-ка... Ещё раз сначала, Феля, крутани...

Феликс просьбу исполнил с радостью.

Он считал себя уже практически полным обладателем виртуальной красавицы. Ну и что – если нет физического контакта. Зато духовная близость достигла небывалых высот!..

А, ведь, действительно... Сдержанность в выражении каких-либо чувств, лапидарность их выражений, загадочность – всё это позволяло, а, точнее – не мешало Феликсу превратить поток своего влюблённого сознания в лавину. Он столько высказал, столько всего понаписал в этот бездонный Интернет своей возлюбленной!.. И она ни разу не сказала «нет», ни разу не укорила, не упрекнула его ни в чём.

Молчание, даже равнодушие одного из партнёров весьма способствует развитию любовного чувства.

Тысячелетиями племена, целые народы поклонялись куску бревна, камню именно потому, что не слышали в ответ никаких возражений.

То, что у Феликса поначалу выглядело, как невинное увлечение, уже вышло на уровень безрассудной веры.

– Ну, я же мужчина!.. – вскричал в конце фильма «В джазе только девушки» один из героев, не желая идти под венец с мультимиллионером.

На что получил холоднокровный ответ: – У каждого свои недостатки!..

Ну, наш Феликс уже был близок к этому состоянию.

Кондрат Емельянович внёс в его влюблённую счастливую душу сомнения, а потом ещё и всё разрушил.

Не оставил камня на камне.

– Что-то не нравится мне вся эта ваша переписка, – сказал, глядя в экран монитора Кондрат Емельянович. – Говоришь – ничего толком она тебе не отвечает, только вот значки эти отсылает?..

Кондрат Емельянович раньше работал во внутренних органах и многие вещи так и видел – изнутри. Много, чего простому человеку было не заметно, для Кондрата Емельяновича было ясно, как Божий день.

Вот и здесь.

Глянул бывший сотрудник на письма Феликсовой зазнобы и, как ищейка, вдруг зашевелил, задёргал ноздрями. Не нравится что-то мне всё это... – повторил Кондрат Емельянович.

– Слушай, Феллини, – обратился он к Феликсу, – дай-ка мне эти каракули на денёк. Я их своим товарищам покажу...

– Зачем? Ты что! – Феликс вспылil. И лицо, как у красной девицы, зарделось, запунцовело.

– Ты, Фея, тут не у-ху-ху и не о-хо-хо, – осадил его Кондрат Емельянович. Никто на твою личную жизнь не покушается. Кому, на хрен, нужны ваши интернетные сопли. Если тут нет ничего – и хорошо. Но – чувствует моё сердце – что-то тут не так...

И Кондрат Емельянович ещё раз настороженно пошевелил придатком своего сердца – бугристым носом.

Результат был получен через неделю.

Кондрат Емельянович об этом сообщил Феликсу и сказал, что нужно серьёзно поговорить.

Договорились встретиться на квартире холостяка. Естественно, приглашали и меня, как консультанта по вопросам всяких компьютерных заморочек.

Расположились на кухне. У того самого компьютера, который, на протяжении уже нескольких последних недель, являлся источником радостей, восторгов и вдохновения старого пердуна Феликса.

Хозяин выставил на стол бутылку «Бузулукской». Скромная закуска: помидорчики, жареная картошка.

Выпили по пятьдесят грамм.

Кондрат Емельянович попросил Феликса вставить флэшку в компьютер – туда, где она у него вставляется.

Феликс просьбу исполнил, но руки у него почему-то дрожали.
Правильно дрожали.

Потому что то, что поведал нам бывший сотрудник внутренних органов, оказалось снегом на голову, громом среди ясного неба.

Кондрат Емельянович взял несколько писем незнакомки, почти наугад. Он сказал – нет разницы.

.....

;;; (((;!;.....; – -;<»;;

;;&.....;†;‡;;

.....

– Ну, вот что ты думаешь, Феля, по этому поводу? – Спросил хозяина квартиры Кондрат Емельянович.

Было ясно, что ответа от Феликса никто не ждёт, а бывший сотрудник органов знает какую-то важную тайну, но тянет кота за хвост, создавая в воздухе необходимое напряжение.

Кондрат Емельянович выдержал длинную паузу, а потом и брякнул: – Всё, Феля, тебе кирдык!..

У Феликса, который ещё до конца не вник в смысл информации, пока не определился, как к ней относиться, на лице отобразилось предварительное недоумение.

– Какой кирдык? Что ты тут говоришь, Кондрат Емельянович?

– А – обыкновенный. Кирдык. Карачун. Кранты тебе светят, Феля. И, возможно, в самом ближайшем будущем.

Тебе кто-то посылает закодированные послания смерти.

У Феликса отвалилась челюсть.

Он и вообще смотрелся не шибко моложавенько, а тут совершенно в лице изменился. Жёлтый стал. Если ему сейчас скоренько челюсть платочком подвязать – точно можно в гроб укладывать, никакой дополнительной редакции уже не потребуется.

– Ка-ка-ка-кие послания?.. – Феликс не сомневался, что Кондрат Емельянович пришёл не для того, чтобы над ним подшучивать. Сотрудники внутренних органов, даже бывшие, и сами к шуткам не шибко расположены и от других всяких юморov не терпят.

– В общем, прогнали наши специалисты твои писульки у нас в лаборатории по компьютерам, через самые новейшие дешифраторы. Даже на всякий случай – через немецкую «Энигму». Она в секретном музее наших спецслужб хранилась. Ну, и – вычислили.

Наборы подобных знаков имеют тысячелетнюю историю. Их можно увидеть в пещерах Гималаев, высоко в горах. Но – лучше не видеть.

Потому что те, кто проникал в эти пещеры и, хоть разок на такие каракули взглянул, спустя какое-то время умирал от неизвестной болезни. У человека по отдельности начинали отваливаться руки, ноги. А потом уже и голова. И он умирал. Потому что без головы человеку никак. Можно всаднику без головы. Но для этого нужны хотя бы ноги, чтобы ему было, чем за лошадь держаться.

– Постой, Кондрат, постой, – тут смертник Феликс нашёл в себе силы рассказчика перебить. – Но – я же не умер!.. И ты тут сидишь напротив меня – ничего с тобой не случилось. И – Александр.

– Правильно мыслишь, Феллини! – обрадовался серьёзному возражению Кондрат Емельянович.

Но – ведь эти каракули тыщу лет назад не лохи писали! Я же тебе говорю – набор закорючек представляет из себя код. И кодировать, вводить программу можно в зависимости от того, какие цели у заказчика.

У заказчика не было целей, чтобы вокруг твоих писем возникла эпидемия. Тут всё по-хитрому.

Как мне объяснили в лаборатории, твой организм, от многократных просматриваний этих писем, постепенно перестраивается в органическую бомбу. Ну, не ту, которая обязательно должна взорваться на глазах у всех. Пугая всех и пачкая. Просто тебя через определённое время можно будет убить дистанционно. Где-то нажмут на кнопочку – и ты – Ах! – и в ящик. И кнопочку – это тоже так, для того, чтобы было понятно. Где там были кнопочки – тысячу лет назад? Вырывал какой-нибудь старик Хоттабыч волос из бороды, произносил «Трах-тибидох!» – и всё – устройство срабатывало. Человек умирал.

Сейчас ещё не известно – завершился ли в тебе, Феликс, процесс формирования этой бомбы, или нет – специалисты наши ещё работают. Но игры с незнакомкой тебе нужно незамедлительно прекратить. Иначе – кирдык. И никто уже тебе не поможет.

На Феликса было страшно смотреть. С жёлтого лица падали капли холодного пота. Челюсть свою он так и не закрыл, так она у него и висела. И говорил он, вернее, пытался что-то говорить, но – непонятное: – Ням... ням... ням...

Я понимал – не жизни ему своей было жалко, а – гибели мечты.

«...простому муравью вдруг захотелось в ноженьки валиться, поверить в очарованность свою...»...

Не нужно больше никому молиться. Нет ни мечты, ни очарования. Серая одинокая старость.

И – четверостишия к прекрасным женщинам, которые с жалостью и сожалением отворачиваются от твоего дряхлого тела...

– Но – кому всё это нужно, Емельян... Кондрат Емельянович?... – на меня тоже возникшая ситуация оказала весьма гнетущее воздействие. – Кому нужна жизнь одинокого старого холостяка?..

– Тут трудно сразу ответить... – после некоторого раздумья отозвался бывший сотрудник. – Ларчик может вообще просто открываться.... Возможно, какие-то имущественные претензии. Обычно что-нибудь такое, бытовое... Кому-то задолжал...

– Феликс, ты ни у кого ничего не занимал? – обратился я к Феликсу.

– Ням... Ням... Ням... – продолжал мямлить наш друг, уставившись потухшими глазами в злое каракули на мониторе...

– Ну, ты это... Перестань... – Кондрат Емельянович потряс его за плечо. – Очнись, товарищ!..

Он повернул расстроенного, обмякшего романтика к закуске, налил ему в стакан водки. И нам тоже по полстакана. – Давайте выпьем! Ничего страшного пока не произошло. Никто же не умер? Подумаешь – не стало у тебя подруги. Да её и не было! Ни одного слова человеческого ты, Феля, от неё не получил. Сам себе всё придумал...

Мы выпили.

– Слушай, Феликс, – а ты завещание написал? – это уже я к Феликсу с вопросом.

Поэт ещё толком не отошёл от первого удара, как я предлагал ему новое испытание.

– Что? Какое завещание? – вяло переспросил Феликс. От водки у него заслезились глаза, и он торопливо вылавливал в тарелке кусочки помидоров.

– Ну, это такая бумажка, заверенная в нотариусе, которая поможет твоим родственникам пережить горечь утраты.

Ну, если ты... того...

– Нет... Нету у меня никакого завещания, – стал будто бы оправдываться Феликс, – я об этом как-то не думал... Да и нет у меня ничего...

– Как нет? А – квартира? – тут вдруг оживился наш бывший член внутренних органов. – Квартира твоя кому отойдёт, если с тобой вдруг что?..

– Не знаю... С женой я в разводе. Детей у меня своих нет. Двое взрослых – так это её дети... И вообще у меня никого нет. Кроме – вот вас...

– Ну, речь сейчас не про нас. Мы, если бы хотели тебя убить, то уже давно бы завалили. Прямо тут. У в ванной! – пошутил вдруг Кондрат Емельянович и захохотал громко, заразительно.

Но на нас с Феликсом эта зараза не подействовала. Сам так и отхохотал цикл Кондрат Емельянович.

И, наверное, если бы пришла ему на ум фантазия замочить бедного Феликса, то провернул бы он это дело и без меня быстро и сноровисто. Может, и меня рядом с Феликсом уложил бы там, в ванной...

Интересно – пытал бы?..

Я посмотрел на отвеселившееся лицо Кондрата Емельяновича и решил лучше об этом не думать.

– В общем, – заговорил опять вдруг Кондрат Емельянович, подводя черту нашей беседе, – тебя, Феликс, хотят убить. Завещания у тебя нет. Но есть квартира. Которая, если что, отойдёт неизвестно к кому. Я думаю, что тут есть какая-то зацепка. Придётся мне ещё разок к моим друзьям обратиться. Не волнуйся, Феля, мы эту падлу обязательно найдём. И – мордой, мордой в его каракули. Пока он сам весь не развалится.

И Кондрат Емельянович с головой ушёл в расследование. Подключил все знакомые ему службы, даже сам лично ходил к Хрящу, смотрящему по нашему городу. Чтобы посоветоваться.

И – нашёл! Раскопал!

И, как уже можно было догадываться, результат превзошёл самые мыслимые и немыслимые ожидания.

Да, версия с завещанием оказалась правильной и единственно верной.

Однокомнатная конура Феликса, хоть и небольших денег стоила, но миллион деревянными тоже на дороге не валяется.

И сотрудники самого опытного, самого секретного отдела Орского ФСБ потянули за эту ниточку.

Тоже задали себе этот вопрос: – Если с Феликсом чего случиться, то кому достанется его квартира?

И – выяснили: Джеймсу Миллеру, штат Иллинойс, США. Американцу.

В далёкие двадцатые годы предки нашего Феликса, как крысы с тонущего корабля, как тараканы, бросились во все стороны из молодой Советской республики. Поодевались в женские платья и, трусливо, кто на поезде в Европу, кто в Турцию, на вёслах, кто – на быках, диких козах через Гималаи – в Китай.

Ассимилировались на чужбине, адаптировались. На бывшую свою Родину плюнули и забыли.

Наши, рабоче-крестьянские отцы и деды, стали радостно строить светлое будущее, а дворяне-отморозки из Феликсовой родни присосались к трудящимся в странах капитала и опять зажили там припеваючи.

И – Джеймс Миллер – среди них.

Когда сделали запрос через Инюрколлегию, выяснилось, что Джеймс – самая близкая и единственно живая родня Феликсу. И, что – при известном стечении обстоятельств, квартира Феликса должна будет перейти к нему.

Кондрат Емельянович таким результатам расследования ничуть не удивился. И, когда мы все трое снова собрались на квартире у Феликса, он нам, штатским, всё доходчиво объяснил.

Нашим Феликсом по просьбе этого самого Джеймса Миллера занимались американские спецслужбы. Которым для того, чтобы вредить нашей стране годился любой повод.

И они уже пробовали на Феликсе самые гнусные, самые коварные, приёмы.

– Ты что думаешь, Феля, твой мокрый потолок – это проделки соседа-пьяницы с верхнего этажа? – насмешливо глядя на несмышлёного дамского угодника, – говорил Кондрат Емельянович. Это же всё они, пиндосы. Сейчас уже диверсия в привычном понимании уже и не выглядит, как диверсия. Никто в наше время мостов не взрывает, в колодцы отраву не сыплет. Плюнет завербованная официантка нашему гражданину в борщ, в столовой – уже диверсия. Нашего человека унизили, хотя он этого, может, и не почувствовал, а официантка себе пару центов заработала на счёт в американском банке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.